

Китай и глобальное лидерство

China and global leadership

Vasily Mikheev*, **Sergey Lukonin****, and **Sergei Ignatov*****

Primakov National Research Institute of World Economy and International relations

Abstract

The article is devoted to the theoretical and practical analysis of Chinese global leadership. The concept of leadership is applied as a methodology, which involves identifying the main factors, such as strategic power, the attractiveness of political institutions, the ability to provide acceptable ideas and the presence of allies that contribute to a comprehensive analysis of the country's leadership potential. The authors also describe the relevance of Chinese global leadership and analyze its domestic, economic and international causes. Moreover, the "Belt and Road" initiative is defined as the main mechanism for providing the influence of China on the global level which is now being changed its quantitative component, namely the increasing attention to the security aspects of this initiative. In addition to that, it is important to note that China maintains its economic and political positions in Africa, Central Asia and South-East Asia. Africa has a special role in the Chinese "Belt and Road" initiative as a recipient of Chinese investments and a site for the deployment of China's naval facilities to protect the trade routes.

On the regional level, China will strive to become a leader of the trade and economic processes in the Asia-Pacific region, the South China Sea and the North Korea nuclear program issues. The American factor in modern international relations, namely so-called "Trump factor", which means the U.S. withdrawal from the Trans-Pacific Partnership and the Paris Agreement, will cause demand for Chinese leadership in the Asia-Pacific region and in the world as well. However, in this case a number of questions arise: is China prepared for this? Is Beijing able to bear greater responsibility? Does China have the potential for this?

The article concludes that China will not become global leaders in the next 20-30 years, because of internal (political reforms) and foreign policy reasons (doctrinal formulation of foreign policy initiatives, military-political and economic power, international posture and relations with other states). The authors believe that the implementation of Chinese leadership is possible not on the condition of confrontation between China and the United States, but on the establishing of constructive relations between these countries. The last meeting between Trump and Xi Jinping showed a trend for

* Vice President, Primakov National Research Institute of World Economy and International relations, Center for Asia Pacific Studies, Moscow, 117997, Russia. mikheev@imemo.ru

** Senior Research Fellow, Primakov National Research Institute of World Economy and International relations, Center for Asia Pacific Studies, Moscow, 117997, Russia. sergeylukonin@mail.ru

*** Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International relations, Center for Asia Pacific Studies, Moscow, 117997, Russia. ignatyev.serge@gmail.com

creating channels for dialogue between Beijing and Washington, which can become the basis for interaction. An important place in the work is given to the analysis of development and forecasting the evolution of Russian-Chinese and U.S.-China relations. As for Russia, Moscow should conduct a policy that will not allow it to become a "junior partner" of China.

Keywords

China, foreign policy, globalization, leadership.

I. Введение

Тема китайского лидерства в настоящий момент привлекает пристальное внимание современных исследователей международных отношений. В данной работе авторы исходят из критически-аналитического и системного подхода изучения данной проблемы. За основу исследования взята концепция лидерства в том варианте, в каком ее понимают авторы данной работы.

II. Концепция глобального лидерства

Ряд экспертов считают, что на современном этапе развития капитализма можно выделить два основных критерия глобального лидерства, во-первых, уровень ИТ-уклада и, во-вторых, масштабы его позитивного влияния на формирование глобальных транснациональных структур общественного труда¹. С этой точки зрения, Китай пока находится на пути к глобальному лидерству.

Если рассматривать традиционные критерии глобального лидерства (экономические, демографические и географические), Китай по этим показателям уже является "глобальным вызовом". Чтобы получить более высокий международный статус, Пекину следует заняться решением внутренних проблем своей страны².

Вместе с тем, ряд авторов считают, что для того чтобы обогатить теоретическое содержание самой концепции лидерства и использовать ее в качестве методологии для анализа исследуемой проблемы, необходимо учитывать еще несколько основных компонентов.

Во-первых, стратегическая мощь – то, что в Китае иногда называют «совокупная общественная мощь». Данный компонент подразумевает собой способность государства оказывать влияние на все сферы международно-политической и экономической жизни, включая военную, политическую, экономическую и гуманитарную области.

Во-вторых, фактор привлекательности политических и экономических институтов, а также идеологических конструкций того или иного государства.

В-третьих, немаловажное значение имеет способность страны выдвигать идеи, приемлемые для остального мира.

И наконец, четвертый фактор – это наличие у государства союзников в деле осуществления и продвижения политики лидерства.

Кроме всего прочего в концепции лидерства важно учитывать то, какие цели преследует государство при проведении своей политики: доминирование или ответственность. Если государство преследует идею доминирования над другими участниками международных отношений, оно должно отдавать себе отчет в том, что такая политика отталкивает и порождает потребность противодействовать. Идея ответственности, в свою очередь,

1 Симония Н.А. Социально-экономические аспекты глобального лидерства // Международные процессы. Т. 8. №24. 2014.

2 Воскресенский А.Д. Китай в контексте глобального лидерства // Международные процессы Том 2. Номер 2(5). Май - Август 2004.

привлекательна, но сопряжена с рисками торможения реализации собственных интересов и соответствующими национальными потерями.

III. Теоретическое и практическое измерение китайского лидерства

Многие эксперты, принимая во внимание динамичное развитие китайской экономики, укрепление его позиций в МВФ, интернационализацию юаня, возрастающую роль таких финансовых институтов, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Нового банка развития БРИКС, а также продвижение инициативы "Пояса и пути", делают вывод о том, что КНР в ближайшее время заменит США в качестве лидера в сфере формирования нового финансового порядка³, а также в сфере обеспечения военной безопасности в Юго-Восточной Азии⁴.

Вместе с тем, исходя из теоретического описания концепции лидерства, можно сказать, что Китай не станет лидером нового века, во всяком случае, в обозримой на сегодня 20-30-ти летней перспективе. Для этого будет недостаточно ни экономической, ни финансовой, ни инновационной мощи.

Кроме того, Китай не обладает привлекательной моделью внутреннего политического устройства⁵.

Китай так же пока не выдвинул приемлемой для всего мирового сообщества привлекательной глобальной идеи.

И наконец, у Китая нет и не будет союзников в том смысле, в котором это принято считать. Дело в том, что на союз с равными Пекин не идет, опасаясь реверсных реакций, а союзы со слабыми государствами держатся на китайской материальной помощи и не носят всеобъемлющего характера.

С точки зрения целей, мир сегодня больше воспринимает китайские претензии на лидерство как стремление Китая к доминированию, а не как стремление разделить ответственность за будущее развитие мирового сообщества⁶.

Вместе с тем, стоит отметить, что, хотя, в целом в обозримой перспективе не произойдет становление китайского глобального лидерства, по отдельным векторам и нишам мировой экономики и политики Китай тем или иным образом уже занимает лидирующие позиции в силу масштабов своей экономики, численности населения и т.д.

3 См. подробнее: LIM Ho Yeol, KIM Hongwon. The Beginning of the China-led New Financial Order and Korea's Countermeasures // World Economy Brief, Vol. 7, No. 3, February 1, 2017.

4 См. подробнее: Daljit Singh. China's White Paper on Security Cooperation in the Asia-Pacific Region and Chinese Grand Strategy // Yusof Ishak Institute, № 22, 2017.

5 Михеев В.В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М., Издательство Руслана Элинина, 2009.

Zhang Yunling. China and its neighbourhood: transformation, challenges and grand strategy // International Affairs. July 2016, Volume 92, Number 4.

6 Zhang Yunling. China and its neighbourhood: transformation, challenges and grand strategy // International Affairs. July 2016, Volume 92, Number 4.

IV. Актуальность темы китайского лидерства

В 2017 г. тема китайского лидерства становится более актуальной, формальным поводом послужило заявления председателя КНР Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме в Давосе в январе 2017 г., на котором было сказано о готовности Китая «играть роль лидера глобализации и борьбы с протекционизмом». Данная тема широко обсуждается в китайских СМИ и на парламентской сессии ВСНП, состоявшейся в марте 2017 г. Все это указывает на то, что лидерские амбиции Китая начинают нарастать.

Основные причины такого интереса к китайскому лидерству можно свести к внутривнутриполитическим, внешнеполитическим и экономическим факторам.

Внутриполитические причины связаны с приближающимся 19-м съездом КПК, на котором Си попытается упрочить свою власть и стать в действительности «ядром партии». Кроме того, на фоне масштабной борьбы с коррупцией, недовольные и пострадавшие от которой обвиняют Си Цзиньпина в том, что данная кампания приводит к спаду экономики и потере внешних позиций Китая, ему крайне важно показать свою силу. Отсюда Си Цзиньпин стремится использовать внешний фактор, фактор китайского лидерства, в том числе касательно отношений с другими странами в качестве одного из лидеров, а не ведомого игрока, для укрепления своих позиций накануне Съезда.

Внешилополитические мотивы активизации китайской политики просматриваются в так называемом «факторе Трампа». Выход США из Транстихоокеанского партнерства и из Парижского соглашения по климату рождает в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и в мире в целом, новый международный спрос на китайское лидерство.

Экономические причины вызваны замедлением китайской экономики, в том числе уменьшением спроса на китайскую продукцию на мировых рынках. Учитывая, что маневры китайского правительства в сфере экономики за счет расширения внутреннего спроса не предотвращают общего замедления темпов роста экономики Китая, Пекин осуществляет переход от экспорта товаров к экспорту капитала. На деле же Китаю продолжают не доверять, а также опасаться его экономической экспансии. В связи с этим, Пекин стремится, используя фактор ответственного лидерства, упростить и сделать более комфортным выход китайского капитала и товаров на ведущие мировые рынки, включая Африку, Латинскую Америку и т.д.

V. Механизмы осуществления глобального лидерства и оценка их эффективности

Механизмы осуществления китайского лидерства по своей форме носят глобальный и региональный характер, а по содержанию являются идейно-политическими, экономическими, военными и иными.

Прежде всего, стоит обратить внимание на глобальные идейно-политические механизмы. Здесь мы не видим от Китая каких-либо прорывов или даже намеков на что-либо такое приемлемое и понятное. Пекин пока не может предложить миру конкретную привлекательную идею, ограничиваясь общими заявлениями о построении «мира с общей судьбой». Серьезным ограничителем этого механизма является неспособность

вбросить в мировое сообщество нечто действительно значимое в доктринальном смысле. Стратегическая проблема Китая состоит в том, что свое лидерство он может осуществить только во взаимодействии, пусть и конкурентном, с существующими глобальными лидерами и другими ориентирующимися на них странами. А не в противодействии им. И чтобы иметь успех Китай должен будет предлагать новые идеи приемлемые для остального мира. И вряд ли ему удастся найти таковые вне рыночного и демократического поля⁷.

Таким образом, чем больше Китай будет заявлять о себе как о мировом лидере, тем сильнее ему придется идти на осуществление демократических реформ внутри своей страны, к чему Пекин пока не готов.

Однако сегодня китайское руководство считает, что время для политической реформы не пришло. Хотя в то же время и понимает, что без неё не получится реализовать новые амбиции глобального лидерства. Отсутствие современной демократической политической системы является своего рода «негативным» преимуществом, или уязвимостью Китая в конкуренции за лидерство с другими странами. Поэтому в среднесрочной перспективе Китаю придется столкнуться с дилеммой – либо идти на демократические преобразования, либо заморозить глобальные лидерские амбиции.⁸

Главным глобальным экономическим инструментом продвижения интересов Китая является концепция "Один пояс, один путь" (включает Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века) главная цель которой за счет инвестиций в инфраструктуру многих стран мира создать площадку для выхода китайского капитала и китайских товаров за рубеж, а также загрузить китайские мощности в условиях, когда внутренний спрос не обеспечивает полного спроса на производимую продукцию.

В проекте Шелкового Пути окончательно закрепляются политическая и военно-политическая составляющие. Пекин намерен проводить глобальный Форум (первый Форум состоялся в мае 2017 г.) по этой теме раз в два года, создавая тем самым под верховодством Китая регулярную «площадку» политического общения с лояльными Пекину мировыми лидерами и участниками «Пояса и пути». Преимущество такого формата по сравнению с другими (ШОС, БРИКС, АТЭС, АСЕАН плюс ..., ВАС и др.) Пекин усматривает в том, что он будет постоянно существовать в Китае, а повестка дня встреч высшего и высокого уровня – формироваться Пекином.

Китай, придумав и предложив миру свои концепции – Экономический пояс Шелкового пути и Морской Шелковый путь XXI века – рассчитывает на то, что страны будут принимать его инвестиции в развитие своей инфраструктуры и делать китайский капитал более привлекательным, а также на доступ к экономическим площадкам. Не случайно, что в стратегическом смысле эти концепции не ограничиваются железнодорожной колеей и автомобильными дорогами, но подразумевают создание кластеров экономических, экономических кластеров развития.

7 Михеев В.В., Луконин С.А. Китай: «глобальное лидерство» как ресурс борьбы за власть // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3006 (Дата обращения: 01.07.2017).

8 Михеев В.В., Луконин С.А. Китай: «глобальное лидерство» как ресурс борьбы за власть // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3006 (Дата обращения: 21.06.2017).

С 2013 г. Китай постоянно расширяет географию действия концепции "Один пояс, один путь", в т.ч. за счет Новой Зеландии, Африки и Австралии. Тем самым нагрузка на китайский проект возрастает.

Африка занимает особое место в китайской инициативе Пояса и Пути – во-первых, как регион-реципиент китайских инфраструктурных проектов, во-вторых, как площадка размещения китайских военно-морских подразделений для защиты маршрутов реализуемых в рамках «Морского Шелкового пути XXI века».

Однако конкретных экономических проектов для продвижения китайской инициативы, таких как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд "Шелкового пути" и Банк развития БРИКС, мало для столь амбициозной стратегии, учитывая, к тому же тот факт, что оттоки капитала внутри Китая приводит к сокращению инвестиций в проекты Шелкового пути.

В настоящее время, в проекте "Один пояс, один путь" участвуют более 100 стран, с 40 государствами из которых подписаны соглашения о сотрудничестве. Среди достижений можно отметить, что к концу 2016 г. объем инвестиций в эти страны превысил 18,5 млрд долларов США, а также было создано 180 тыс. рабочих мест.⁹

Вместе с тем, уже в январе-феврале 2017 г. объем китайских прямых инвестиций в нефинансовый сектор зарубежных стран сократился на 52,8% по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.¹⁰

Одновременно с этим отмечается негативная тенденция, при которой китайские компании инвестируют в непрофильные для себя направления, например, покупки китайскими компаниями зарубежных футбольных клубов. Кроме того, "многие китайские компании под видом инвестирования за рубеж в нарушение законов выводят на иностранные счета средства и скупают иностранную валюту".¹¹

VI. Региональный аспект

В связи с выходом США из ТТП первой попыткой Китая стать лидером глобализации была идея возврата к созданию зоны свободной торговли (ЗСТ) в АТР. Однако, без участия США в данном проекте, он вряд ли способен осуществиться, ввиду, опять же, отсутствия конкретных предложений.

Другой вариант – создание Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП) на базе АСЕАН. Здесь по сравнению с Транстихоокеанским партнерством есть более простая интеграционная схема, которая больше ориентируется на таможенные тарифы, а не на стандарты, инвестиции или защиту интеллектуальной собственности, как в ТТП. Однако, у стран-участниц РВЭП сохраняются опасения по поводу китайской экспансии.

9 В Китае создан Союз зон международного сотрудничества в области производственных мощностей в рамках "Пояса и пути" // http://russian.news.cn/2017-03/26/c_136158929.htm (Дата обращения: 26.06.2017).

10 Экономическое обозрение: Китай в этом году может выйти из числа чистых экспортёров капитала // http://russian.news.cn/2017-03/27/c_136162086.htm (Дата обращения: 26.06.2017).

11 Там же.

И наконец, третий вариант – возврат к СВА-3 (переговоры о зоне свободной торговли между Китаем, Японией и Южной Кореей). Но в данном случае эта воплощение этой идеи в жизнь затрудняется китайско-японскими и японо-южнокорейскими политическими противоречиями.

Китай обнаруживает осторожный интерес к ТТП, но пока только присматривается к возможности взять на себя роль лидера в этом направлении. Например, Пекин участвует в марте этого месяца в Лиме в совещании стран-подписантов Транстихоокеанского партнерства, которые решили собраться и, в условиях выхода США из договора, наметить дальнейшие шаги.

По региональным направлениям Китай старается стать лидером, прежде всего, по вопросам, связанных с Южно-Китайским морем (ЮКМ) и Северной Кореей.

От Китая не поступает конкретных предложений по вопросам ЮКМ, за исключением того, что Китай по всей видимости все-таки пойдет на подписание кодекса поведения со странами АСЕАН летом этого года.

Однако страны АСЕАН неоднозначно реагируют на китайские действия в Южно-Китайском море. В данном случае было бы интересно взглянуть на позиции Филиппин и Вьетнама.

Филиппины, как представляется, ведут тройную политику по отношению к Китаю. На уровне президента Дутерте считается, что Китай – это друг, хотя на уровне армейской верхушки по-прежнему рассматривают наоборот. И наконец, МИД и правительственная бюрократия маневрирует между этими подходами.

Вьетнам, в свою очередь, заинтересован в торговле и финансовой помощи со стороны Китая, но боится попасть в экономическую зависимость от Пекина.

Ситуация в Северной Корее характеризуется отсутствием перспективных идей решения ракетно-ядерной программы Пхеньяна, а также стремлением Китая переложить вину и ответственность на США.

Последняя китайская инициатива по решению проблемы Северной Кореи, выдвинутая в 2017 г., бесперспективна. Ее суть заключалась в том, что Пекин перекладывал вину за развитие кризиса на Вашингтон и Пхеньян, а также призывал США прекратить военные учения и вступить в переговоры с Севером, в то время как Северная Корея должна свернуть ракетно-ядерную программу.

Слабость китайской позиции, в этом отношении заключается в том, что американо-южнокорейские учения являются легитимными с точки зрения международного права.

Не ясен сам предмет переговоров по решению ракетно-ядерной программы Пхеньяна. Учитывая, что Северная Корея изменила свою Конституцию, провозгласив себя ядерной державой, речь на переговорах должна уже идти об изменении Конституции Пхеньяна.

Китай и Россия объективно заинтересованы в сотрудничестве по Северной Корее, ввиду того, что обе страны позиционируют себя в качестве ответственных ядерных держав.

В военной сфере Китая также заметна активизация, учитывая приближающийся осенний Съезд КПК. Основные достижения Пекина можно выделить в сфере испытания баллистической ракеты с десятью разделяющимися боеголовками, рассматривающийся в

Пекине как серьезный шаг Китая по пути укрепления своих стратегических сил, модернизации военно-морского флота и увеличения в 5 раз (до 100 тысяч человек) численности морской пехоты, для того чтобы Китай имел возможность осуществлять военные операции на дальних расстояниях от своей территории.

Также заметно увеличение глобального присутствия за счет планов по созданию морских баз в Джибути, Гвадаре, Брунее, Омане, Шри-Ланке, на Мальдивах, что усиливает подозрения в отношении Китая у стран АСЕАН, Индии и Японии.

Одновременно с этим Китай заявляет, что усиление его ядерной мощи и военно-морских сил не «несет никому угрозы», что происходит это на фоне общего сокращения вооруженных сил на 300 тыс. человек, а рост военных расходов остается ниже 10-процентной отметки (7%).

К другим региональным механизмам осуществления китайского лидерства относится формирование экономического коридора "Россия-Монголия-Китай, идея создания которого была выдвинута Председателем КНР Си Цзиньпином 11 сентября 2014 г. саммите Китай-Россия-Монголия, в г. Душанбе (Таджикистан), представляющая собой состыковку инициатив трех стран – китайского "Пояса и пути", российской инициативы Евразийской интеграции и монгольского "Степного пути".¹²

VII. Американо-китайские отношения

Несмотря на разногласия между Китаем и США, Вашингтон по-прежнему остается главным партнером Китая, пусть и конкурентным, в работе по обеспечению китайского глобального лидерства

Китайско-американский Саммит не привел к прорывам в двусторонних отношениях. Главным его итогом стало создание новой инфраструктуры и новой атмосферы в отношениях Пекина и новой американской администрации. Трамп принял приглашение посетить Китай в 2017 г., стороны уходили от обсуждения острых проблем и оттеняли дружественный и кооперативистский характер встречи.

Главным итогом переговоров стали, во-первых, принятие «100-дневного плана действий», направленного на выправление дисбалансов в двусторонней торговле и предполагающего, с китайской стороны, активизацию стратегии по повышению внутреннего спроса и открытию китайского рынка услуг. А во-вторых – запуск постоянно действующего и возглавляемого президентами двух стран Стратегического диалога (вместо работавшего с 2009 г. при Администрации Обамы Стратегического и экономического диалога) по четырем направлениям и, соответственно, в формате четырех подгрупп:

- дипломатия и безопасность,
- экономика,
- совершенствование законодательства и киберпреступность,
- культурные и межличностные связи.

12 См. подробнее: JEH Sung Hoon, NA Hee-Seung, CHOI Pil Soo, Lkhagvadorj Dolgormaa. Development Potential of China-Mongolia-Russia Economic Corridor and Korea's Linkage Plan // Studies in Comprehensive Regional Strategies 16-01, 2016.

Главным инициатором «слишком раннего», по мнению ряда американских экспертов, Саммита был Пекин. Китайское руководство ожидало победы Клинтон на президентских выборах в США, ведущие китайские эксперты еще до президентских начали активный зондаж по линии второй и полуторной дорожек того, какой может быть новая внешняя политика США при Клинтон. Однако Пекин ошибся в расчетах и теперь поспешил это исправить. Логика китайцев выглядит вполне оправданной: во-первых, предвыборная риторика Трампа в отношении Китая была чрезмерно жесткой, во-вторых, внешняя политика США сейчас находится в стадии становления, следовательно, быстрый Саммит может и прояснить, насколько предвыборные выпады американского президента вписываются в практический курс Вашингтона, и постараться повлиять на формирование новой американской дипломатии в более выгодном для Пекина варианте.

Администрации Трампа также было выгодно показать на примере Китая, что она может действовать не только жестко в отстаивании американских интересов, но и гибко – если того требуют те же американские интересы.

Накануне Саммита повестка дня фокусировалась не четырех главных темах:

- экономические и торговые дисбалансы, обвинения американцев в адрес Китая в манипулировании валютным курсом и подрыве американского рынка труда,
- северокорейская ядерная угроза,
- китайско-американское противостояние в Южно-китайском море и Тайвань,
- общее отношение США к Китаю: более жесткое и все же более сбалансированное.

На практике не все эти темы получили одинаковое освещение. Стороны, как уже упоминалось выше, сделали акцент на создании атмосферы и механизмов для обсуждения и решения проблем в будущем, а не на самих вариантах решения.

В наибольшей степени обсуждалась экономическая проблематика и проблематика Северной Кореи.

В ответ на американские претензии по экономическим вопросам Китай предложил углублять диалог, пообещал открыть рынок услуг и стимулировать внутренний спрос на американские товары. В качестве компенсации американских потерь Пекин предложил США подключиться к своей стратегии «Один пояс, один путь», выдвинув идею о наращивании китайских инвестиций в американскую инфраструктуру. И хотя конкретных договоренностей в этом вопросе не было достигнуто, сама идея в случае ее реализации может создать новую экономическую платформу развития всего комплекса экономических и военно-политических отношений.

Относительно Северной Кореи стороны согласились в том, что ядерная программа Пхеньяна становится неприемлемой, однако разошлись в понимании того, как можно остановить Пхеньян. Китай продолжал настаивать на мало перспективной, на наш взгляд, схеме обмена прекращения американско-южнокорейского давления на замораживание северокорейской ядерной программы и прямых переговорах Вашингтона и Пекина. Малоперспективно, помимо прочего, и по той причине, что Пхеньян не идет ни на какие переговоры, так или иначе ограничивающие его ядерную активность. США продолжали исходить из того, что Китай, по их мнению, не использует все свое влияние на Пхеньян.

Фокусируясь на создании новой благоприятной атмосферы будущего китайско-американского сотрудничества, Си и Трамп обошли практически все острые темы: размещение американской системы ПРО ТВД в Южной Корее (ТНААД), поставки американского оружия Тайваню, ситуация в Южно-китайском море. По поводу последнего лидеры обменялись общими тезисами о необходимости избегать и предотвращать конфликты и соблюдать нормы международного права – варианты трактовки последнего применительно к территориальным спорам в ЮКМ, по всей видимости, не обсуждались.

Китайский приоритет «не испортить атмосферу саммита» наиболее отчетливо проявился по сирийскому вопросу. И хотя сама эта проблемы осталась вне рамок переговоров, однако именно в ходе переговоров США нанесли ракетный удар по военно-воздушным базам Асада в Сирии, вызвавшим, как мы знаем, резко негативную реакцию Москвы. Китай был должен как-то реагировать на ситуацию и этой реакцией стала ни поддержка, но и не осуждение акции. Пекин ограничился общим заявлением о предпочтительности дипломатических методов решения споров.

В целом первый китайско-американский Саммит можно считать успешным в плане создания новых диалоговых каналов общения между китайским и американским руководством. Однако вопрос о том, каким содержанием и с какой тональностью эти каналы будут наполняться, остается открытым. Варианты сближения или конфронтации Китая и США по-прежнему остаются как почти равновероятные. Однако сам факт создания новой атмосферы и новой инфраструктуры китайско-американских отношений позволяет утверждать, что это «почти» скорее в пользу сотрудничества, хотя по-прежнему и конкурентного, чем конфронтации.¹³

VIII. Итоговые тезисы и выводы для России

Китай не станет глобальным лидером в среднесрочной перспективе, хотя продолжит движение в этом направлении и займет доминирующие позиции по отдельным региональным интеграционным проектам.

В среднесрочной перспективе Китай не заменит США, но укрепит свои позиции в качестве нового центра экономического мира и выйдет на позиции одного из центров военно-политического мира.

Привлекательность внутреннего устройства будет быстрее формироваться в экономике – в плане усиления рыночных основ и открытости, и очень медленно – в мире идеологии и мире политических институтов.

С этим торможением связано следующее – предложение миру новых приемлемых идей, так называемой «своей истории» для мира. В данном случае усилия будут концентрироваться на развитии Шелкового пути, под которого подгоняются практически все внешние проекты Китая.

Китай не пойдет на формирование союзнических отношений с другими странами, но

13 Михеев В.В., Ломанов А.В., Луконин С.А. Саммит Китай-США // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3074 (Дата обращения: 03.07.2017).

будет пытаться завоевывать симпатии и поддержку (1) финансовыми вливаниями и (2) постепенным наращиванием активности по решению региональных (Северная Корея, ЮКМ) или глобальных (климатические вопросы) проблем.

России в новой стратегии глобального лидерства Китай отводит двоякую роль. С одной стороны, китайские руководители на самом высоком уровне продолжают говорить о сегодняшних отношениях с Россией как «о наилучших», как в плане истории двусторонних связей, так и в плане отношений с другими странами.

Но, с другой, Китай не предполагает обсуждения и координации с Россией своих доктринальных и конкретных шагов по обеспечению собственного глобального лидерства. Будь то военная активность в Южной Азии или Африке или нормализация отношений с США, которая может происходить и без учета российских интересов. В отношении между нашими странами отсутствуют механизмы выявления и обсуждения озабоченностей в отношении того, какие риски и вызовы России могут содержать те или иные шаги Китая по обеспечению своего глобального лидерства, особенно в случае нашей безальтернативной и некритичной поддержки любых действий Китая в этом направлении.

Россия, в свою очередь, может как использовать китайские амбиции в своей выгоде, так и нести определенные риски от этого. Например, растущая вероятность попадания в экономическую зависимость от Китая (выполнение условий Китая, следование китайским стандартам, использование технологий и материалов Пекина и т.д.), а также безальтернативная политическая поддержка Китая в АТР против США может создать ненужные дополнительные сложности в отношениях Москвы и Вашингтона, особенно на фоне попыток их нормализации. Например, позиция Китая по Сирии показала, что Пекин выстраивает отношения с Вашингтоном по собственной логике и пока не готов активно вмешиваться в сирийский конфликт.¹⁴

Торговые отношения России с США и Китаем на порядок меньше уровня китайско-американского экономического сотрудничества. Наши интересы по ЮКМ также находятся на другом уровне важности. По Тайваню мы занимаем прокитайскую позицию. Единственной сферой потенциального подключения России к взаимодействию Китая и США остается северокорейская проблема, где наши принципиальные позиции по недопустимости обладания Пхеньяном ядерным оружием полностью совпадают, но представления о том, как это сделать – расходятся.

Вместе с тем в стратегическом контексте настораживающим выглядит тренд последнего времени, закрепленный последним Саммитом Си и Трампа, на то, что, в отличие от 10-15 летней давности, сегодня именно Россия, а не Китай становится «более чужим» для американского истеблишмента.¹⁵

Manuscript received: Sep. 05, 2017; Review completed: Sep. 12, 2017; Accepted: Sep. 20, 2017

14 Михеев В.В., Луконин С.А. Китай: «глобальное лидерство» как ресурс борьбы за власть // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3006 (Дата обращения: 01.01.2017).

15 Михеев В.В., Ломанов А.В., Луконин С.А. Саммит Китай-США // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3074 (Дата обращения: 03.07.2017).

References

- В Китае создан Союз зон международного сотрудничества в области производственных мощностей в рамках "Пояса и пути" // http://russian.news.cn/2017-03/26/c_136158929.htm (Дата обращения: 26.06.2017).
- Воскресенский А.Д. Китай в контексте глобального лидерства // *Международные процессы* Том 2. Номер 2(5). Май - Август 2004.
- Михеев В.В. Китай – Япония: стратегическое соперничество и партнерство в глобализирующемся мире. М., Издательство Руслана Элинина, 2009, 360 с.
- Михеев В.В., Ломанов А.В., Луконин С.А. Саммит Китай-США // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3074 (Дата обращения: 03.07.2017).
- Михеев В.В., Луконин С.А. Китай: «Глобальное лидерство» как ресурс борьбы за власть // http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=3006 (Дата обращения: 21.06.2017).
- Симония Н.А. Социально-экономические аспекты глобального лидерства // *Международные процессы*. Т. 8. №24. 2014.
- Экономическое обозрение: Китай в этом году может выйти из числа чистых экспортеров капитала // http://russian.news.cn/2017-03/27/c_136162086.htm (Дата обращения: 26.06.2017).
- Daljit Singh. China's White Paper on Security Cooperation in the Asia-Pacific Region and Chinese Grand Strategy // Yusof Ishak Institute, № 22, 2017.
- JEH Sung Hoon, NA Hee-Seung, CHOI Pil Soo, Lkhagvadorj Dolgormaa. Development Potential of China-Mongolia-Russia Economic Corridor and Korea's Linkage Plan // *Studies in Comprehensive Regional Strategies* 16-01, 2016.
- LIM Ho Yeol, KIM Hongwon. The Beginning of the China-led New Financial Order and Korea's Countermeasures // *World Economy Brief*, Vol. 7, No. 3, February 1, 2017.
- Zhang Yunling. China and its neighbourhood: transformation, challenges and grand strategy // *International Affairs*. July 2016, Volume 92, Number 4.